

б) няўпэўненасць у праудзівасці падзей: Моо й гэ. А ты як думаеш? (Хвароба над хваробамі);
Мо ён там і цяпер яшчэ рарствуе (Чалавечае вока);

в) формула “казалі”: Бо праўду казалі старыя людзі: людзей слухай а свій розум май і ні на кого не ўважай (Не вер ачом);

г) формула “жыць-пажываць”: Вернуўся тагды ён да гаспады й давай ціхо жыць да пажываць да добра нажываць, да да старэнькіх бацька з маткаю даглядаць да шанаваць (Каваль-багатыр).

Сярод прааналізаваных палескіх казак найбольшую групу складаюць канцоўкі з фальклорнымі формуламі “маральная сентэнцыя”, што тлумачыцца мэтай канцоўкі – даць ацэнку падзеям, якія адбываюцца. Некаторыя з такіх канцовак з цягам часу ператварыліся ў крыказкі і прымаўкі, таму што тлумачаць паняцці пра добро і зло, справядлівасць і несправядлівасць і інш.

Не зафіксаваны намі фінальныя формулы з абавязковым пазначэннем прысутнасці апавядальніка-казачніка (я там быў) і яго далучэння да падзей (еў-піў). Канцоўкі такога тыпу некаторыя даследчыкі звязваюць з дзейнасцю прафесійных казачнікаў, якія прынеслі ў казку “формулу аплаты”.

1. Сержпутоўскі, А. К. Казкі і апавяданні беларусаў Слуцкага павета / А. К. Сержпутоўскі. – Мінск : Універсітэцкае, 2000. – 270 с.

Воднева И. П.

УСТНАЯ ИСТОРИЯ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ОТ ПЕРВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ ДО СОЗДАНИЯ ЦЕНТРОВ

Устная история сегодня является одним из актуальных направлений гуманитаристики. Она позволяет взглянуть на прошлое человечества под другим углом. Сам термин «устная история» появился относительно недавно, но его возникновение имеет более глубокие корни. По существу, устная история возникла одновременно с историей, как таковой, и была её первой разновидностью [5]. Однако как историографическая и методологическая практика устная история оформилась только в середине XX в. И хотя по-прежнему ряд вопросов, связанных с оценкой исторической ценности устных свидетельств, остаётся весьма спорным, устные свидетельства индивида являются не только источником индивидуальной, но и общей культурной памяти.

Обращение к устной истории на постсоветском пространстве произошло лишь на рубеже 1980–1990-х гг. и было сопряжено с кардинальными изменениями в государстве и обществе. Перестройка и гласность раскрепостили и научное познание, и историческую память народов СССР [6]. Исследователь Т. К. Щеглова, занимающаяся изучением теории и практики в сфере устной истории с опорой на полевой опыт, выделяет 3 ступени развития устной истории в России, что в принципе характерно и для других бывших советских республик. С 1985 по 1990-е гг. были активно исследованы процессы раскулачивания, диссидентства, репрессий, этнической депортации и другие запретные темы советского времени. В те годы при РГГУ была открыта первая в России Лаборатория устной истории под руководством Д. Н. Хубовой. Члены лаборатории уже с начала 1990-х гг. хорошо освоили зарубежный опыт oral history и признавали устную историю важным методом по созданию новых исторических документов [8].

На первой ступени развития устной истории значительный вклад в поиск носителей исторической памяти внесла московская организация «Мемориал». Результатом её работы стало создание в 1989 г. исторического архива на основе документов о государственном терроре и его жертвах, о сопротивлении режиму и трудной повседневной жизни советских людей.

Следующей ступенью в развитии устной истории в России стало создание в 1990–2010 гг. региональных центров и лабораторий. Первым в российской историографии, кто обратился с помощью устной истории к исторической памяти крестьянства, стал Центр устной истории и этнографии, созданный в 1990 г. Т. К. Щегловой на базе Алтайского государственного педагогического университета. Широко востребованным в научно-преподавательском сообществе стало учебное пособие для студентов высших учебных заведений «Устная история» (2010). Т. К. Щеглова и сегодня выступает инициатором проведения ряда научных форумов, которые собирают не только российских исследователей, но и учёных из разных республик бывшего СССР [2].

Ещё одним крупным региональным центром устной истории в России является кафедра истории и методики Иркутского государственного университета, при которой существует Архив устной истории Байкальской Сибири. Его начало было положено ещё 2005 г. За 15 лет полевой деятельности учёными были собраны коллекции уникальных рассказов респондентов 1917–1990-х гг., связанные с историей повседневности и крестьянства в период государственно-партийных кампаний в Байкальской Сибири [3].

Особую роль по сбору материалов устной истории сыграл в России также Центр устной истории Европейского университета Санкт-Петербурга, созданный в 2001 г. при поддержке института «Открытое общество» (фонд Сороса) и Центра устной истории Университета Индианы (США). Одним из ведущих исследователей в нём стала Е. А. Мельникова. Её курс «Историческая память: источники и методы» имел практическую направленность. На основе реализованных исследовательских проектов Центра был создан архив устных материалов. Для развития устной истории в Российской Федерации большое значение имела методическая и методологическая работа ещё одного сотрудника Центра Европейского университета Санкт-Петербурга М. В. Лоскутовой, которая занималась вопросами выявления принципов, методов и проблем устной истории, подготовки и техники проведения исторического интервью, проблемами интерпретации и научно-технической обработки данных [6].

В 2010-е гг. работа по сбору устноисторических источников в России продолжилась. Отличием развития на этой ступеньке стала антропологизация истории и исторических дисциплин, в результате чего устная история стала важным инструментом в социогуманитарных исследованиях и как метод, и как источник [8]. Сегодня большинство российских устных историков, также как и специалисты сопряжённых гуманитарных областей, продолжают пополнять свои архивы, уделяя при этом много внимания и теоретико-концептуальным, и технологическим аспектам деятельности. Сегодня также ведущее место занимают центры устной истории, созданные при вузах Челябинска, Воронежа, Петрозаводска, Перми и др. [8].

На постсоветском пространстве изучением прошлого методом устной истории активно занимаются и в Украине. Впервые устная история заявила о себе там в 1994 г., когда состоялась международная конференция «Методология и методы устной истории – рассказы о жизни в социологии». В последующие годы обращение к устной истории значительно активизировалось, увеличилось тематическое разнообразие и партнёрская деятельность. Итогом кропотливой работы украинской журналистки Г. Дацюк, а также исследователей из других бывших союзных республик, стал выход в 2003 г. книги «Устные женские истории. Возвращение», в которой авторы показали бурные события XX в. через биографические рассказы его современников. В 2004 г. была напечатана работа Г. Г. Гринченко «Невыдуманное. Устные истории остарбайтеров», в которой представлены материалы о принудительном труде сотен украинцев в Германии в годы Второй мировой войны. В то же время был реализован большой общегосударственный проект «Украина XX столетия в памяти женщин» под руководством О. Кись, в рамках которого было записано 30 биографических интервью с женщинами старшего возраста из Львова, Харькова и Симферополя, а также осуществлён междисциплинарный анализ женских биографий. С 2006 г. в Украине осуществляется международный проект «Книга памяти бывших узников концлагеря Дахау». Особенностью данного проекта стало его педагогическое направление. В записи интервью и их транскрипции приняли активное участие студенты и школьники старших классов из 7 украинских городов. В 2007 г. был запущен масштабный проект «Устная история деколлективизации в Украине 1990-х гг. : крестьянский быт», координатором которого стала Н. Ханенко-Фризен. Несмотря на проведение в Украине масштабных общегосударственных с международным участием проектов в области устной истории, большинство из них ещё не вышли на уровень интерпретаций публикаций и собранных материалов, однако при этом они существенно стимулируют развитие современного направления исторической науки [4].

В Беларуси устная история пока также не стала приоритетным направлением в области исторических исследований. В период существования БССР метод устной истории использовали в основном литераторы. В 1979 г. на основе воспоминаний очевидцев реальных событий вышла книга А. Адамовича, В. Колесника, Я. Бриля «Я из огненной деревни». В ней авторы представили рассказы более 300-х непосредственных свидетелей трагедии Хатыни, собранные у очевидцев событий в первой половине 1970-х гг. [1]. В 1985 г. широкому кругу читателей была представлена документально-очерковая книга С. Алексиевич «У войны не женское лицо», в которой автор собрала воспоминания женщин, переживших Великую Отечественную войну. В 1985 г. вышла ещё одна книга этого же автора под названием «Последние свидетели», где собраны рассказы детей, ставших непосредственными участниками военных событий. В 1989 г. С. Алексиевич издаёт книгу «Цинковые мальчики», куда вошли рассказы матерей и жён, потерявших своих сыновей и мужей в годы Афганской войны, а также воспоминания солдат и офицеров.

В рамках сбора материалов устной истории можно выделить проект «Исследование повседневных адаптивных практик в трансформирующемся социуме (воспоминания жителей западно-белорусского местечка о жизни «в польское время» и при «советах»), который был реализован в 2000-е гг. научным сотрудником Института истории НАН И. Н. Романовой и доцентом БГУ И. С. Маховской. Также в БГУ при кафедре источниковедения работает Белорусско-германская историческая мастерская, которую возглавляет К. И. Козак. Деятельность данной организации проходит

в рамках совместного белорусско-германского проекта «Связь поколений». Результатом активной поисковой работы стал выход сборников материалов международных конференций «Беларусь ў выпрабаваннях Вялікай Айчыннай вайны», «Лагер смерці Трасцянец 1941 – 1944 гг. » и «Жанчыны ў Другой сусветнай вайне: гісторыя барацьбы і выжывання» [1]. Большая работа по накоплению, обработке и введению в научное обращение источников по устной истории проводится в рамках совместного белорусско-германского проекта «Историческая мастерская в Минске» под руководством И. Кашталян. В рамках проекта в 2011 г. в интернет пространстве был создан «Белорусский архив устной истории», главной целью которого является сохранение исторической памяти через проведение устно-исторических исследований и архивное сохранение воспоминаний участников событий XX в. Научным руководителем онлайн-проекта выступил А. Ф. Смоленчук. В 2013 г. он издал книгу «Беларуская гісторыя: знайсці чалавека», в которой были затронуты проблемы истории повседневности, биографистики, устной истории. В соавторстве с О. Ивановой в 2019 г. А. Ф. Смоленчук издал ещё одну книгу «За першымі саветамі: польска-беларускае памежжа 1939–1941 гг. у вусных успамінах жыхароў Беларусі». В 2015 г. при непосредственном участии мастерской был издан сборник материалов международной конференции «Восень 1939 г. у гістарычных традыцыях і вуснай гісторыі», а в 2019 г. – сборник материалов международной конференции «Чернобыльская авария и общество: 30 лет после катастрофы».

Работу по сбору материалов устной истории в 2013–2015 гг. проводил и ГрГУ им. Янки Купалы. В рамках международного проекта был создан Виртуальный центр устной истории, целью которого стало повышение общественного сознания, связанного с охраной совместного историко-культурного наследия трансграничной территории Латвии и Беларуси. По итогам работы начал действовать и виртуальный музей устной истории, куда вошло более 200 видео- и аудиозаписей воспоминаний ветеранов войны, проживающих на территориях Гродненской и Витебской областей Беларуси, а также в Латгалии (Латвия), непосредственных участников послевоенного восстановления хозяйства.

В феврале 2019 г. Центр устной истории и полевых исследований появился и в Полоцком государственном университете. Своей главной целью он ставит развитие профильных направлений в сфере изучения истории и этнокультурной специфики Белорусского Подвинья. Одним из перспективных ракурсов этнической культуры жителей Подвинья, которым занялись исследователи Центра, стало изучение культуры жизнеобеспечения белорусской деревни в период Великой Отечественной войны и послевоенное восстановление хозяйства. Материалы устной истории способствуют пониманию динамики рассматриваемой проблемы и зафиксировать полную картину, созданную коллективной памятью населения. Центр активно сотрудничает с исследователями из Даугавпилса (Латвия), которые имеют значительный опыт в фиксации, документировании и архивировании источников устной истории [7, с. 300].

Сбором материалов устной истории активно занимается и Краеведческий музей Полоцка. Воспоминания Почётных граждан г. Полоцка второй пол. XX в., их родных и близких, были использованы при создании одноимённой стационарной выставки, открытой в 2016 г. В последующие годы научные сотрудники музея продолжили запись интервью, сбор ауди-, видео и фотодокументов. Разработаны и введены в практическое использование тематические карты для изучения жизни и деятельности Почётных граждан г. Полоцка. Материалы устной истории активно используются и во внеурочной деятельности учреждений образования города и района. Богатый фактический материал, собранный музейщиками, востребован и при написании ученических исследовательских работ краеведческой направленности.

Таким образом, устная история, появившись в зарубежной исследовательской практике ещё 1940-е гг., на постсоветском пространстве пока ещё находится в роли утверждающегося направления исторических исследований. Пройдя путь от отрицания и жестокой критики во второй половине 1980-х – 1990-е гг. и до широкого использования в 2010-е гг., устная история сегодня востребована не только исследователями-историками, но и представителями других социогуманитарных наук.

1. Васюк, Г. В. Перспективы устной истории в Беларуси [Электронный ресурс] / Г. В. Васюк. – Режим доступа: <https://elib.grsu.by/katalog/165233-363433.pdf>. – Дата доступа: 2.08.2020.
2. Дёмин, М. А. Т. К. Щеглова: исследования в области истории Сибири и Центральной Азии, этнографии и устной истории [Электронный ресурс] / М. А. Дёмин. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35156135>. – Дата доступа: 10.03.2021.
3. Занданова, Л. В. Архив устной истории Байкальской Сибири: из опыта работы [Электронный ресурс] / Л. В. Занданова, Л. М. Салахова. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24884782_31054971.pdf. – Дата доступа: 11.03.2021.
4. Пастушенко, Т. В. Устноисторические проекты на Украине: изменение традиционных исследовательских перспектив [Электронный ресурс] / Т. В. Пастушенко. – Режим доступа: <https://docriauer.ru/36095978>. – Дата доступа: 1.03.2021.

5. Рафалюк, С. Ю. Источниковедение новой и новейшей истории [Электронный ресурс] / С. Ю. Рафалюк. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/389351>. – Дата доступа: 2.09.2020.
6. Ростовцев, Е. А. Российская наука об устной истории [Электронный ресурс] / Е. А. Ростовцев. – Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2018.213>. – Дата доступа: 1.03.2021.
7. Сумко, А. В. Новыя напрамкі рэгіянальнага краязнаўства ў Полацкім дзяржаўным універсітэце / А. В. Сумко // Першы Рэспубліканскі краязнаўчы форум Беларусі ў рамках Года малой Радзімы : зб. мат-ў. : у 2 т. – Т. 1 / укл.: П. М. Сапоцька, Ю. В. Юшкевіч ; рэдкал.: А. М. Карлюкевіч (старшыня) [і інш.]. – Мінск : Чатыры чвэрці, 2020. – 592 с. – С. 298–302.
8. Щеглова, Т. К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х гг.: вызовы, достижения и риски [Электронный ресурс] / Т. К. Щеглова. – Режим доступа: <http://istkurier.ru/data/2020/ISTKURIER-2020-5-01.pdf>. – Дата доступа: 1.03.2021.

Юмашева Ю. Ю.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНЫХ АРХИВОВ: ПРОБЛЕМЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ

Революционные изменения, которые переживает человечество на пути к глобальному информационному обществу, оказывают существенное влияние на гуманитарную сферу.

Три составляющих цифровой трансформации – оцифровка, поиск новых исследовательских инструментов на базе цифровых технологий и изменение принципов организации и управления информационными ресурсами – отчетливо заметны в ходе анализа изменений, происходящих в архивно-библиотечно-музейной сфере.

Очевидно, что внедрение методов перевода информации в электронный вид, развитие технологий ее представления в электронной среде, а затем возникновение возможности организации публичного удаленного доступа к созданным информационным ресурсам, стали своеобразным спусковым крючком для начала «цифровой гонки вооружений» в этих областях. Первым «выстрелом» в череде перечисленных процессов стала оцифровка – как «процесс представления в цифровой форме данных, не являющихся дискретными [1]».

В результате применения такой понимания термина хронологические рамки «цифровой трансформации» применительно к аудиовизуальной документации сдвигаются к середине 1980-х гг., к первым опытам оцифровки статичных документов на прозрачных (плёночных) носителях с помощью проекционных сканеров, а фоноваликов (восковых цилиндров) – с помощью археофона. К середине 1990-х эти процессы приобрели массовый характер, вовлекая в оцифровку все более разнообразные комплексы документов, а с 2000-х гг. – стали обязательным направлением деятельности всех фондодержателей.

Подтверждением этого тезиса являются статистические данные об изученных информационных ресурсах, коллекция которых формировалась автором на протяжении последних 18 лет [2]. Так, на сегодняшний момент созданием аудиовизуальных ресурсов на основе перевода в электронный вид аудиовизуальной информации занимаются в 68 странах мира более 560 различных организаций. Всего же по состоянию на 01.10.2020 г. было выявлено более 3,5 тыс. информационных ресурсов, представленных в сети Интернет и основанных на электронных копиях аудиовизуальных документов, хранящихся в архивах, музеях и библиотеках. Количество подобных ресурсов растет с каждым днем, чему способствовали и события последних полутора лет, связанные с пандемией.

В целом положительно оценивая взрывной характер появления информационных ресурсов на основе копий аудиовизуальной документации и отмечая определенную недостаточность объемов оцифрованной информации для осуществления хотя бы первого этапа любого исследования – поиска и выявления документов, – особенно ощущающихся в условиях пандемии, следует отметить некоторые негативные тенденции, связанные с созданием электронных каталогов и копий аудиовизуальной документации.

1. За почти 35-летнюю историю сканирования аудиовизуальных документов не были разработаны единые методы их оцифровки, не выбраны единые форматы хранения электронной информации, что приводит к невозможности адекватного сравнения электронных копий, созданных разными фондодержателями, и проведения аналитических процедур, в том числе с использованием современных компьютерных методов.

2. Возрастание количества оцифрованной информации ставит вопрос о формах ее представления. В середине 1990-х стали издаваться каталоги собраний на CD-дисках, а с появлением и развитием всемирной паутины возникли разные формы публикации электронных копий документов (аудиовизуальных в том числе) в сети Интернет. В настоящее время в Интернет сосуществуют фото-, кино и аудиокаталоги коммерческих структур; специализированные электронные архивные порталы; каталоги крупнейших фондодержателей, в которых аудиовизуальная информация является одним из многочисленных видов представленных документов; тематические и мемориальные ресурсы, интер-